

Юань Сяоди, посмотрев на Шан Сижуйя, улыбнулся:

— Кто это?

Чэн Фэнтай взглянул на Шан Сижуйя:

— Это мой... маленький друг, который любит слушать оперу, Тянь Саньсинь. Он давно хотел встретиться с вами, вот я и решил сегодня его привести. Надеюсь, вы не против.

Чэн Фэнтай на ходу придумал имя, разбив имя Шан Сижуйя. Тот внутренне смутился: «Тянь Саньсинь» — звучало ужасно. Однако он поздоровался с Юань Сяоди с совершенно естественным видом, видимо, привык скрывать свое имя и обманывать людей.

Юань Сяоди еще раз внимательно посмотрел на Шан Сижуйя, а затем начал обсуждать с Чэн Фэнтаем деловые вопросы. Чэн Фэнтай изо всех сил пытался направить разговор на тему оперы, но Юань Сяоди, казалось, не хотел говорить об этом, интересуясь только новыми узорами на шелке в этом году. Шан Сижуй молча сидел рядом, слегка покраснев, украдкой поглядывая на Юань Сяоди и не притрагиваясь к еде. Чэн Фэнтай, видя это, чувствовал и ревность, и смех, и, наконец, решил не ходить вокруг да около, сказав прямо:

— Господин Юань, вы не только хороши в бизнесе, но и в опере. Когда я услышал ваше исполнение арии из «Повести о нефритовой шпильке», где вы говорите: «Мне стало холодно», я действительно почувствовал холод. Вы просто волшебник! А та фраза: «Небо!» — не передать словами!

Шан Сижуй резко обернулся и взглянул на Чэн Фэнтая — этот комментарий явно принадлежал ему, но Чэн Фэнтай его украл.

Юань Сяоди удивился:

— Вы тоже слушаете оперу, второй господин?

Любой, кто услышал бы, что Чэн Фэнтай слушает оперу, был бы удивлен. Он всегда был человеком с сильным западным влиянием, похожим на недавно вернувшегося из-за границы студента.

Чэн Фэнтай махнул рукой:

— Эх! Я только начинаю, мои знания поверхностны, не смейтесь.

Юань Сяоди сказал:

— Ваши слова совсем не поверхностны! Честно говоря, во всей «Повести о нефритовой шпильке» мне больше всего нравятся именно эти две реплики.

Чэн Фэнтай и Шан Сижуй быстро переглянулись, и в глазах Шан Сижуйя читалось торжество, словно он хотел сказать: «Видишь, как я разбираюсь, ничего не ускользает от моего слуха.» Чэн Фэнтай с улыбкой взглянул на него.

— Вы так хорошо пели, но так рано ушли. Это большая потеря для театрального мира.

Чэн Фэнтай действительно вжился в роль любителя оперы:

— Теперь мы, поклонники, не можем насладиться вашим искусством.

Юань Сяоди смущенно ответил:

— Вы знаете, сейчас куньцзюй уже не так популярна, как раньше, а я умею петь только ее. С возрастом я решил, что лучше использовать свои связи в столице и заняться более стабильным бизнесом, чтобы содержать семью.

Он сделал паузу и с улыбкой добавил:

— Если вы действительно любите слушать оперу, я могу порекомендовать вам двух человек.

Чэн Фэнтай почувствовал странное предчувствие и украдкой взглянул на Шан Сижуйя. Тот, пока Юань Сяоди говорил, не отрывал от него глаз.

Юань Сяоди продолжил:

— Первый — это знаменитый Шан Сижуй, вы наверняка о нем слышали.

Чэн Фэнтай, как и ожидал, услышал это имя, сдержал смех и кивнул:

— Слышал, конечно.

Юань Сяоди с самокритичной усмешкой сказал:

— Естественно. Даже те, кто не слушает оперу, знают его. Однако поклонники знают только его Пекинскую оперу, а не то, что он настоящий мастер куньцзюй. Мне посчастливилось услышать его исполнение «Пионовой беседки», и это было действительно великолепно.

Шан Сижуй широко раскрыл глаза, загоровшись от восторга.

Чэн Фэнтай намеренно подтолкнул его к тому, чтобы он еще больше похвалил Шан Сижуйя, спросив:

— Я тоже видел тот спектакль, но, не будучи специалистом, господин Юань, расскажите мне о нем?

Юань Сяоди ответил:

— Судя по вашему комментарию, вы не можете не разбираться. О пении я не говорю, но вот та реплика: «Не побывав в саду, как узнать, как прекрасна весна?» — действительно передала всю красоту весны. Последующая ария «Черной мантии» была, на мой взгляд, излишней.

Увлечшись, он стал более резким, но сразу же смягчил тон:

— Не то чтобы она была действительно лишней, реплики всегда подготавливают арии. Но если реплика произнесена хорошо, то ария уже не нужна, атмосфера и так создана.

Шан Сижуй покраснел от его похвалы и открыл веер, чтобы немного охладиться. Юань Сяоди, увидев пейзаж на веере, удивился:

— Молодой господин Тянь, это работа Ду Миньбуна, господина Ду?

Шан Сижуй сложил веер и передал его ему для осмотра:

— Да, это его работа.

Это был подарок, который Ду Ци тайком вынес из дома.

Юань Сяоди внимательно рассмотрел его, восхищенно сказал несколько слов и явно был в восторге. Куньцуй всегда славилась своей утонченностью, и после того, как Юань Сяоди стал знаменитым, вокруг него собралась группа интеллектуалов, как сейчас вокруг Шан Сижуйя. Однако он был более склонен к книгам и учебе, и под влиянием литераторов у него развился вкус к каллиграфии и живописи, как у ученого.

Шан Сижуй сегодня вдруг проявил такт и застенчиво сказал:

— Если этот веер вам понравился, возьмите его.

Юань Сяоди понял, что его поведение было слишком явным намеком, почти просьбой, и поспешно вернул веер Шан Сижуйю, смущенно улыбнувшись:

— Молодой господин Тянь, я не это имел в виду. Работы господина Ду предназначены только для друзей и близких, и, думаю, вам его тоже подарили. Как я могу его взять?

По сравнению с Юань Сяоди, Шан Сижуй уже не ценил Ду Миньбуна, и, получив отказ, он смутился и не мог вымолвить ни слова. Чэн Фэнтай подумал, что этот ребенок на сцене был как звонкая канарейка, а за кулисами мог быть таким застенчивым, и с улыбкой сказал:

— Господин Юань, возьмите его. Мой маленький друг не слишком красноречив, и если вы не возьмете, он будет мучиться несколько дней.

Юань Сяоди все же настаивал на отказе, но после нескольких обменов вежливостями смущенно принял его. Чэн Фэнтай, видя, как они оба покраснели, с трудом сдерживал смех. Он всегда думал, что актеры — люди общительные и раскрепощенные, но Юань Сяоди и Шан Сижуй были исключениями.

После этого разговора о веере Юань Сяоди забыл свою предыдущую тему и перешел к обсуждению старых чиновников и ученых, таких как Ду Миньун. Шан Сижуй не хотел слушать это, но не решался прервать. Когда Юань Сяоди и Чэн Фэнтай закончили разговор и еду, настало время прощаться.

Выйдя из ресторана, Юань Сяоди снова поблагодарил Шан Сижуйя за подаренный веер, и тот наконец набрался смелости спросить:

— Господин Юань, кого вы еще хотели порекомендовать, кроме Шан Сижуйя?

Юань Сяоди рассмеялся:

— Вы действительно заинтересованы. Я совсем забыл, а вы помните! Еще один — это ребенок из труппы Юньси, по имени Малыш Чжоу. Он еще не закончил обучение и редко выступает.

Шан Сижуй запомнил это. Затем он наблюдал, как Юань Сяоди сел в рикшу, и проводил его

взглядом, прежде чем вернуться с Чэн Фэнтаем.

Сев в машину, он прикрыл лицо холодными руками, тихо бормоча. Чэн Фэнтай спросил, что с его лицом, и Шан Сижуй ответил:

— Ничего, просто кажется, что оно немного горит.

— Хозяин Шан сейчас выглядит как девушка, — медленно ведя машину, с усмешкой сказал Чэн Фэнтай. — Да еще и девушка, помешанная на любви. Неужели это стоит того? Просто Юань Сяоди, я не вижу в этом ничего особенного.

Шан Сижуй громко возразил:

— Ты не знаешь, как хорошо поет Юань Сяоди! Много кто хорошо поет Пекинскую оперу, но куньцзой — только он один!

Он продолжал бормотать:

— Он так хорош, а еще похвалил меня. О!!! Второй господин! Господин Юань похвалил меня, похвалил!

Чэн Фэнтай одной рукой погладил его по голове, смеясь:

— Но ты же не должен был его обманывать, что ты так стесняешься? Мы живем в одном городе, и если встретимся где-нибудь на карточной игре, как ты объяснишь это?

Шан Сижуй сказал:

— Я его не обманывал. Я не сказал, что я не Шан Сижуй, я вообще ничего не сказал. Это ты его обманул, сказал, что меня зовут Тянь Саньсинь — ужасное имя.

Чэн Фэнтай кивнул:

— Хорошо, это моя ошибка. В следующий раз я раскрою твою тайну!

<http://bllate.org/book/15435/1368600>